

обвинил своего честного предшественника во взяточничестве, а когда один уважаемый и знатный гражданин не захотел дать ложного показания против Геннадия, он был заключен в оковы. Затем Андроник запер порты, чтобы два знатных пентапольских гражданина Максимин и Клиний, с которыми издавна он враждовал, не могли ускользнуть, а затем приказал их схватить и подвергнуть телесным наказаниям, но так, чтобы не дать возможности им умереть, дабы тем продлить и увеличить их мучения. Жестокость Андроника дошла до того, что ему казалось недостаточно имеющегося арсенала пыток, и он придумывал новые, еще невиданные орудия мучения. Когда у одного гражданина по имени Левкипп пропали вверенные ему на хранение общественные деньги, он немедленно заплатил большую часть их, а для покрытия остальных предложил продать свое имущество. Однако Андроник, ненавидевший Левкиппа за близость к Синезию, приказал его схватить, подвергнуть телесным наказаниям и держать пять дней без пищи в неприступной крепости.

„Со всех сторон сбегались ко мне, — пишет Синезий, — с жалобами. И всякий раз я поражался этими известиями и видом бедствий. Но когда я его убеждал, то не мог убедить, а когда настаивал, то раздражал. И тогда обстоятельство изобличило мое бессилие, которое до этого бог скрывал от людей, так как обо мне всюду составилось представление, как о человеке влиятельном и могущественном... После того, как я потерял любимейшего из сыновей, немногого не доставало, чтобы я покончил самоубийством. Никакими наставлениями философии я не мог превозмочь охватившее меня горе. Но Андроник превозмог и в этом и заставил обратить внимание на общественные бедствия... Я был выставлен пред всеми, чтобы все несли к моей груди свои заботы, но я мог им выражать только бесполезное сострадание...“. Синезий возмущается поведением Андроника: „Таким он является в отношении меня, который ведет свое происхождение от Еврисфена, приведшего дорийцев в Спарту, а родословную наших предков показывают общественные таблицы; он же не может назвать имени своего деда и даже отца, если не прибегать к предположениям, он, поднявшийся от рыбной ловли до начальнической колесницы. Поэтому ему стыдно своей незнатности, когда он видит такую знатность моего рода. Я же и до священства был окружен почестями и не испытывал никакого бесчестия“¹.

Особенно возмущало Синезия то, что Андроник, жестокий тиран по отношению к гражданам, в то же время был пешкой и безгласным орудием в руках Юлия, старого врага Синезия. В письме 79, адресованном Анастасию, Синезий указывает, что Юлий ни на ком так не проявляет своей власти, как на Андронике, и третирует его, как своего раба, публично набрасывается на него с криками и оскорблениями. Причем Андроник не осмеливается даже наедине бранить своего господина². Таким образом, жестокий Андроник, действия которого так возмущали Синезия, являлся на деле только креатурой другого сильного человека Киренайки, Юлия, врага Синезия.

Против этого ненавистного ему презида Синезий прежде всего пустил в ход свои старые связи. Он обращается во имя старой дружбы к „философу“ Троилу, который пользовался большим влиянием при

¹ PG. t. 66, col. 1392, 1393.

² Ibid., col. 1445.